

Олег Лещак

Полупредикация и речевая номинация как ономаσιологическая проблема

В среде ономаσιологов не до конца решенным остается вопрос о соотношении, с одной стороны, языковых и речевых единиц, а с другой – единиц номинативных и предикативных. При этом зачастую сами процессы номинации и предикации не отделяются от номинативных и предикативных единиц. Этим вопросам были посвящены две мои предыдущие статьи¹. Предваряя ответ на первый вопрос, следует сразу же подчеркнуть, что все процессы – как предикация, так и номинация – осуществляются только в речи, в то время как их результаты (продукты) – речевые единицы могут либо сохраняться в языковой памяти (становясь языковыми единицами), либо не сохраняться. Преобразование речевой единицы в языковую сопровождается целым рядом процедур систематизационно-квалификационного характера (установление многочисленных функциональных отношений парадигматического и синтагматического характера в самом лексиконе, а также модельных отношений с единицами внутренней формы языка – грамматики, словопроизводственной или фразопроизводственной системы, фонологической системы и дискурсивной системы). Понятно, что наибольшие шансы вовлечения новообразованной речевой единицы в языковую систему имеет сам отправитель – субъект номинативного или предикативного акта, и новая языковая единица на этом этапе является лишь единицей его собственного идиолекта. Вместе с тем, если процесс номинации или предикации происходил автоматически, арефлексивно, вполне возможно и обратное – единица выделяется, систематизируется и квалифицируется как языковая не им самим, а его собеседником, адресатом или посторонним наблюдателем (случайным участником речевой ситуации). В этом случае новая языковая единица является таковой лишь в идиолекте реципиента речи. В случае же если эта процедура осуществляется одновременно у субъекта речи и реципиента (реципиентов), можно говорить о первичной социализации новообразованной языковой единицы. При этом вопрос широты охвата идиолектов принципиально неважен: не важно,

---

¹ О. Лещак, *Методологические трудности российской ономаσιологии: проблема номинации как объекта исследования*, «Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego» 2018, nr 26, s. 97–106; О. Лещак, *Методологические основания и истоки российской ономаσιологии: проблема соотношения номинации и предикации*, «Studia Methodologica» 2018, nr 46, s. 7–21.

знают ли данное слово, устойчивое словосочетание, высказывание или текст двое, группа людей или все носители данного языка – это чисто количественное различие. С качественной точки зрения факт интерперсональной социализации совершился уже тогда, когда новая языковая единица оказывается включена, как минимум, в два языковых создания, что позволит ее воспроизводить и использовать в качестве лексического знака в будущих актах межличностной коммуникации.

Конечно, если быть совершенно точным, акт интраперсонального общения также следует считать актом социализации. Еще И. Кант, задолго до Ф. Розенцвейга, М. Бубера и М. М. Бахтина заметил, что мышление – это общение с самим собой². И. А. Бодуэн де Куртене, в свою очередь, понимал владение языком именно как языковое мышление (формулировке «польский язык», например, он предпочитал формулировку «польское языковое мышление»³). В этом смысле для проблемы возникновения языковой единицы важен сам факт речемыслительной процедуры включения новообразованного знака (как отношения между понятием и фонетической фигурой) в отношения с другими знаками и моделями языка, в результате чего значение данного знака (т.е. отношение между некоторой единичной речевой формой и данным понятием) вследствие системного параллелизма и аналогии порождает возможность устанавливать отношения различия с другими возможными категориально тождественными значениями. Таким образом возникает то, что Ф. де Соссюр в своей работе *De l'essence double du langage* называет *différence générale des significations* (т.е. общее различие значений). Но и данная форма (т.е. отношение некоторого значения с данной фонетической фигурой) по той же самой причине (вследствие параллелизма и аналогии с другими знаками и моделями языка) обретает потенциал соотношения с категориально тождественными, но отличными от нее формами. Такое соотношение сейчас принято называть парадигмой форм. Соссюр называл его *différence générale des formes* (т.е. общее различие форм)⁴. Языковая единица же как отношение понятия к ряду фонетических фигур (у Соссюра – *figure vocale*) образуется именно в результате установления функционального соотношения общего различия значений с общим различием форм. Использованный для объяснения механизма возникновения языкового знака термин параллелизм мною также заимствован у Соссюра (*la parallélie*)⁵. В качестве синонима к нему Соссюр использовал выражение *parole potentielle*⁶ (потенциальная речь), которое содержит в себе идею модельности, установки на речепроизводство. Это очень важно, принимая во внимание мысль, которая красной нитью проходит через всю работу лингвиста – язык есть орудие речи, формирующееся и развивающееся в речи (*discourse*), а единицы языка возникают в высказываниях

² И. Кант, *Антропология с прагматической точки зрения*, [в:] И. Кант, *Собрание сочинений в восьми томах*, «Чоро», Москва 1994, т. 7, с. 217.

³ J. Baudouin de Courtenay, *O polskim języku*, PWN, Warszawa 1984.

⁴ F. de Saussure, *Écrits de linguistique générale*, Gallimard, «Bibliothèque des idées», Paris 2002, с. 230.

⁵ Там же, с. 61–62.

⁶ Там же.

как актах речи (*parole*). Таким образом, все единицы, с которыми мы можем иметь дело в актах речи – тексты, высказывания, словосочетания, словоформы (т.е. синтагмы, если использовать терминологию Соссюра) – это речевые единицы. Соотносимые же с ними потенциально воспроизводимые знаковые единицы – слова, языковые клише, фразеологизмы, прецедентные высказывания (в т.ч. паремии) и прецедентные тексты, а также модели образования речевых и языковых единиц – это единицы языка.

Так вкратце можно дифференцировать языковые и речевые единицы. Совсем иной проблемой является вопрос о дифференциации номинативных и предикативных знаков, а также непосредственно с ним связанный вопрос различения самих процедур номинации и предикации.

Обе процедуры представляют собой процессы вербализации некоторого когнитивно-когитативного содержания, находящегося в большей или меньшей степени в стадии становления (*in statu nascendi*). Термин *когитативный* указывает именно на процессуальный характер довербального и досемиотического уровня бытования информации. Типично когитативными функциями являются суждения, понимаемые не столько как единицы, традиционно выделяемые в формальной логике, сколько в качестве психомыслительных процессов рема-тематического соположения ранее зафиксированных в памяти единиц – в первую очередь, понятий и / или представлений, сопряженных с сенсорикой, эмоциями и волитивными состояниями. Именно так понимается суждение у Канта, особенно, если речь идет об апостериорных опытных суждениях, оперирующих эмпирическими понятиями. В Кантовских рассуждениях содержится предпосылка функционального мышления о смысле, известная более как идея рема-тематического соположения информационных функций. Каждое понятие, по Канту, представляет собой в свернутом виде некоторое информационное отношение, которое может быть в любой момент развернуто в аналитическом суждении. Когда мы говорим *Стол – это разновидность мебели* или *Собака – это млекопитающее животное*, мы не прибавляем ничего к понятию стола или собаки, а лишь разворачиваем в виде пропозиции то, что уже находилось в обоих понятиях *in potentia*. Если взять чисто синтетическое опытное суждение, вроде *Этот стол круглый, деревянный и на одной ножке*, в котором устанавливаются смежностные отношения между понятиями «стол» и «указание на конкретный объект», «стол» и «круглая форма», «стол» и «дерево, из которого он изготовлен», «стол» и «ножка», а также «ножка» и «один», то даже в них имплицированы некие аналитические сведения, уже содержащиеся в понятии стола, а именно, что столов может быть много и можно выделить один или несколько из их класса или же мыслить весь класс в целом, что каждый стол из чего-то изготовлен (так как является изделием, артефактом), обладает столешницей определенной формы и подпорками в каком-то количестве (в силу своей конструкции как мебель данного типа). Т.е. потенциально каждое понятие является сгустком информационных отношений сходства и смежности, которые при построении суждений актуализируются, т.е. преобразуются в определенного типа явные или неявные пропозиции. Явной такая пропозиция оказывается в суждениях:

*Стол круглый, Стол деревянный, Стол на одной ножке, неявной же в суждении
В углу стоял круглый деревянный стол на одной ножке.* Читаем у Канта:

Все действия рассудка мы можем свести к суждениям, следовательно, рассудок можно вообще представить как способность [составлять] суждения. (...) согласно вышесказанному, рассудок есть способность мыслить. Мышление есть познание через понятия. Понятия же как предикаты возможных суждений относятся к какому-нибудь представлению о неопределенном еще предмете⁷.

Кант принципиально разделяет две типологические системы формализации суждений и понятий чистого рассудка⁸. Следовательно понятия нам нужны, чтобы знать, а суждения, чтобы мыслить, оперировать знаниями, применять их в практическом и чистом опыте. Оказывается, что, хотя понятия и суждения – это две прагматически различные формы оперирования информацией, однако их природа принципиально сходна: понятия возникают из «сворачивания» суждений, а суждения – в результате установления отношений между понятиями, для чего структура понятий должна быть подвергнута актуализации, «разворачиванию».

В семиотическом плане (особенно в аспекте вербализации) аналогом дифференциации понятий и суждений может быть соотношение слова и предложения. В большинстве языков понятия вербализуются именно словами, а суждения – предложениями. Понятия инвариантны, обобщенны (даже самые конкретные) и дискретны, поэтому «естественным» хранилищем понятий является память. Суждения же ситуативны, актуализированны (даже самые общие) и, чаще всего, размыты. Понятия как знания о некоторых дискретизированных фрагментах картины мира в семиотическом смысле нуждаются в назывании, суждения же – в выражении в виде лексико-грамматических пропозиций. Идя по этому пути рассуждения, вербализацию понятий можно назвать номинацией, а вербализацию суждений – предикацией. Соответственно единицы, вербализующие понятия, называем номинативными, а единицы, вербализующие суждения, – предикативными.

Совместим теперь оба ряда единиц. К языковым (инвариантным, потенциальным) единицам мы относим единицы воспроизводимые, изымаемые в случае необходимости из памяти (в первую очередь, это слова, фразеологизмы и языковые клише), к речевым же – единицы, образуемые по языковым моделям или случайно возникающие в ходе речевых актов как побочные эффекты речепроизводства (это прежде всего тексты, их фрагменты и высказывания в форме предложений). Не сложно заметить, что первые три одновременно являются номинативными единицами, три последних – предикативными. Однако среди языковых единиц есть огромное количество предикативных единиц, которые от уже названных (текстов и предложений-высказываний) отличаются только тем, что не создаются всякий раз заново, а используются в готовом виде, в котором хранятся в языковой системе знаков. Это прецедентные микротексты и высказывания, паремии, сентенции

⁷ И. Кант, *Критика чистого разума*, [в:] И. Кант, *Сочинения на немецком и русском языках*, «Наука», Москва 2006, т. 2, ч. 1, с.159.

⁸ См. там же, с. 161, 173.

и штампы. В то же время среди речевых единиц есть такие, которые не содержат предикативных отношений, т.е. не выполняют функции вербализации суждения. Это свободные словосочетания и словоформы. Их вполне можно назвать номинативными единицами. Словоформы *стол*, *столом*, *столов* или *столами* не выражают суждений, а называют некоторое понятие, хотя и в определенной актуализированной ипостаси: в качестве единичного или обобщенного субъекта действия (*стол*), единичного, обобщенного или множественного места (*за столом / столами*), объекта (*со столом / столами*) или инструмента (*столом / столами*) действия, или же в качестве множественного или обобщенного объекта (*нет столов*), адресата (*для столов*) или места (*возле столов*) и под. То же, хотя уже не столь однозначно, происходит и при образовании словосочетаний *круглый стол*, *деревянный стол*, *стол на одной ножке*, когда они не выполняют роли самостоятельных высказываний и не содержат предикации. Они лишь называют определенный тип, определенную разновидность или экзemplификацию стола, а значит выполняют номинативную функцию. Однако в это же время они имплицитно содержат в свернутом виде следующую информацию: 'стол, который обладает круглой столешницей', 'стол, который полностью или частично изготовлен из древесины', 'стол, столешница которого покоится на одной ножке', а это уже собственно пропозиция, являющаяся основанием предикации.

Описанное несоответствие двух порядков – языкового – речевого статуса и номинативного – предикативного характера вербальных единиц вскрыло ряд интереснейших проблем. Во-первых, если последовательно развести эти два порядка, возникнет возможность наряду с процессами собственно номинативными (в результате которых появляются языковые номинаты – слова, клише и фразеологизмы) и собственно предикативными (в результате которых появляются речевые предикативные знаки – единичные высказывания, сверхфразовые единства и тексты), выделять также переходную процедуру – речевую номинацию (слово- и фразеопотребление, а также образование словосочетаний), которую можно было бы также назвать *полупредикацией*. Во-вторых, употребляя уже существующую в языке единицу – слово, клише или фразеологизм в речи, мы тем самым актуализируем их значения и представляем их как имплицитную пропозицию. Напр., предикация *Волк увидел волчицу* содержит в себе номинацию животных и действия одного из них по отношению к другому, сопряженную с представлением номината *волк* в качестве скрытой идеи 'один самец из вида волков, который представлен как активный субъект действия', номината *волчица* как 'одна из самок вида волков, которая представлена в качестве непосредственного объекта внешнего действия', а номината *видеть* как 'обнаружить объект при помощи зрения до момента речи'. При использовании этих же слов в других высказываниях и в иных формах мы тем самым имплицитно в их содержании иные смыслы, которые должны носить характер рема-тематических соположений, т.е. некоторых свернутых пропозиций. В этом смысле даже обычная словоформа (не говоря уже о словосочетаниях), используемая в речи, должна расцениваться как полупредикативный знак. В словосочетаниях этот момент еще более выразителен: *американские привычки* может пониматься как 'привычки,

присущие жителям США', 'привычки неамериканца, приобретенные им во время пребывания в США и привезенные в другую страну' или 'привычки неамериканцев, подражающих жителям США'. В этих случаях полупредикативный характер речевой номинации очевиден. Терминологическое разведение предикации и полупредикации становится необходимым, во-первых, тогда, когда мы не хотим смешивать языковую номинацию с речевыми процессами (в этом случае, говоря о процедурах речепорождения, можно использовать только эти два термина), а во-вторых, тогда, когда хотим различить две функции, выполняемые одной и той же номинативной единицей (в этом случае мы можем сказать, что данная словоформа или данное словосочетание выполняет номинативную функцию, называя некоторое инвариантное понятие нашей картины мира, и одновременно полупредикативную функцию, выражая некоторый имплицированный актуальный понятийный смысл).

Проблема носит чисто методологический характер. Если мы примем ономаσιологическую, антропоцентрическую и одновременно функционально-прагматическую методологическую перспективу, нам придется признать, что за каждой речевой процедурой, как номинативной, так и предикативной, стоит речемыслительная процедура означивания одновременно двух когнитивных пространств – картины мира и мыслительной интенции. Многие лингвисты забывают, что речевые знаки – это не языковые знаки в действии и не знаки языковых знаков, а знаки актуального мышления и, одновременно, репрезентанты языковых знаков, которые, в свою очередь, означивают картину мира.

Проблема выделения наряду с собственно предикацией т.н. полупредикацию остается открытой в языкознании. Это касается и понятия, и самого термина. К полупредикативным конструкциям обычно относят словосочетания с ядерными причастиями и деепричастиями (особенно т.н. обороты, имплицитная предикативность которых определяется как дополнительная)⁹, а также любые другие способы осложнения простого предложения¹⁰,

---

⁹ См. А.А. Юлдашев, *Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках*, «Наука», Москва 1977; А.В. Бондарко, *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени*, Изд-во С.-ПУ, Санкт-Петербург 2001; О.М. Чупашева, *Грамматика русского деепричастия*: Дисс. ... доктора филол. наук, Мурманск 2010; Т.В. Романова, *Перекатегоризация и субкатегоризация в номинации специальностей*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2013, № 31 (322), вып. 84, с. 123–126.

¹⁰ См. Л.К. Дмитриева, *Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке*: Дисс. ... доктора филол. наук, Ленинград 1981; Ж.Е. Сейтжанов, *Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2010, № 3 (7), с. 140–142; Р.Ж. Саурбаев, *Осложненно-подчиненное предложение в английском и татарском языках*, «Вестник Майкопского государственного технологического университета» 2011, вып. 2, с. 93–97; Е.В. Тарасенко, *Синтаксический концепт в аспекте осложненного предложения*, «The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal» 2012, No. 4, http://vestnik.adygnet.ru/files/2012.4/2262/tarasenko2012_4.pdf [доступ: 10.06.2018]; О.Г. Амирова, *Синтаксис английской прессы на уровне осложненного предложения*, [в:] *Передовые научные разработки, Филологические науки*,

особенно с применением неличных форм глагола¹¹. Сергей Карцевский в свое время назвал их предикативными синтагмами: «подобные синтагмы выражают законченную мысль и готовы в любой момент служить фразой»¹². Такое понимание полупредикации стало уже классическим. Но, в языкознании (как славянском, так и в германском) постоянно наблюдаются попытки расширения данного понятия. Так, например, кроме указанных конструкций, в полупредикацию зачастую включают и словосочетания, представляющие части составных сказуемых¹³, а также фразеосхемы (словосочетания фреймового характера с устойчивой лексической составляющей и рядом переменных)¹⁴. В.Г. Байрак, например, относит к такого рода единицам конструкции вроде *есть овощи сырыми*, имплицитующие предикацию ‘овощи являются сырыми’¹⁵. В свою очередь, М.В. Панов называет полупредикацией также случаи обособленных атрибутов, вроде *Он, мятежный*, употребляя выражение «это определение на пути к предикату»¹⁶. Аналогично рассуждают также О.В. Коротун и М.П. Одинцова¹⁷. Этот же термин иногда используют для описания разного рода свободных синтаксических конструкций атрибутивного или обстоятельственного плана (вроде английской *for Peter to smile*¹⁸, чешской *viděl tě stát* или русских *яйцо всмятку* или *мастер читать*). Во всех случаях, как видим, логика исследователей сосредоточена на смысловой стороне речевых конструкций, заключающей в себе идею процессуальной характеристики (рематизации) некоего субъекта (темы): (*он*) ‘является мятежным’ или ‘который поднимает мятеж’, (*Peter*) ‘который должен улыбнуться’, (*viděl*) ‘как ты стоял(а)’, (*яйцо*) ‘которое сварили всмятку’, (*мастер*) ‘который умеет читать’ или ‘который обычно / всегда хорошо читает’.

2014, http://www.rusnauka.com/30_PERNR_2014/Philologia/4_177116.doc.htm [доступ: 10.06.2018].

¹¹ И.Ф. Зарипова, *Полупредикативность как средство неприсловной связи слов*, [в:] *Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности*, ред. Ф.Г. Фаткуллина, Уфа 2012, т. 1, с. 224–228.

¹² С.И. Карцевский, *Повторительный курс русского языка*, «Русский язык» 2009, № 17, <http://rus.1september.ru/articles/2009/17/06> [доступ: 10.06.2018].

¹³ Л.З. Сова, *Лингвистика синтеза*, Изд. Политехнического университета, Санкт-Петербург 2007.

¹⁴ С. Лещак, *Языковые прецеденты в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова*, UJK, Kielce 2019.

¹⁵ В.Г. Байрак, *Соотношение типов синтаксических связей, синтаксических отношений и средств связи в современном русском языке*, «Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство» 2008, № 7, с. 27–32.

¹⁶ М.В. Панов, *Синтаксис. Синтаксические связи слов. Типы простых предложений. Члены предложения*, «Русский язык» 2005, №14 (494), <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200501405> [доступ: 10.06.2018].

¹⁷ О.В. Коротун, М.П. Одинцова, *Синтаксис современного русского языка*, ОмГУ, Омск 2015.

¹⁸ В.С. Волков, *Номинативная структура предложения. Типология синтаксических позиций (на материале английского языка)*, КамчатГТУ, Петропавловск-Камчатский 2005.

Как полагает С.А. Хамзаев, полупредикация – это

способ трансформации информации о ситуации на наименование ситуации. В выборе средства описания этого процесса и заключается разница между предложением и полупредикативной конструкцией. Предложение не может выступать в качестве номинативной единицы языка. Оно передает больше информации, чем одно название ситуации, какой бы простой или сложной она ни была. Под полупредикативной структурой понимается такая структура, в которой предикативность грамматически не оформлена, т.е. отсутствует грамматически согласованная связь между элементами структуры¹⁹.

Можно дискутировать о том, являются ли полупредикации попыткой назвать ситуацию (т.е. номинировать то, что должно быть предикативно) или же попыткой включить ранее номинированную информацию в актуальный мыслительный процесс предикативности мысли. Не исключаю, что оба этих процесса осуществляются параллельно ввиду того, что в основе речестроения лежат два источника – мышление (когитация) и язык (инвариантная информационная знаковая система).

Еще далее в рассуждениях о полупредикативном характере номинативных единиц речи идет С. Лещак, которая расширяет это понятие на все без исключения свободные словосочетания, оценивая их не с формальной, а именно со смысловой стороны, как свернутые пропозиции. Так, рассматривая функциональное соотношение конструкций *черная вода – вода черна* или *вода в ладонях – вода была / находится в ладонях*, она пишет, что «первые члены этих пар (формально номинативные конструкции) могут в конкретном тексте или идиостиле активно имплицировать предикацию: *вода черная* (т.к. ‘почернела’, ‘стала черной’) и *вода* (‘находится’) *в ладонях*»²⁰, а также подчеркивает, что в полупредикативной конструкции в свернутом виде содержатся

активные рема-тематические отношения между характеризуемым членом и характеристикатором, в номинативной же – характеристика фактически вводится в состав характеризуемого члена таким образом, что в целом словосочетание воспринимается как название (...)»²¹.

Я предложил бы еще более расширить это понятие и распространить его также на все словоформы, ведь каждая такая единица, используемая в речи, во-первых, не изымается в готовом виде из языка, а проходит стадию формального моделирования в зависимости от конструктивной прагматики, а во-вторых, значение такой единицы никогда полностью не соответствует значению ее языкового инварианта, а подвергается т.н. речемыслительной актуализации, зачастую также существенным смысловым трансформациям, вызванными ситуативной прагматикой смысла. Такое понимание было

---

¹⁹ С.А. Хамзаев, *К вопросу об изменении когнитивной функции языковых структур в различных типах предикации*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2011, № 28, с. 121.

²⁰ С. Лещак, Указ. соч.

²¹ Там же.

бы наиболее последовательным применением ономасиологического способа мышления, выстраиваемого от когниции к вербализации.

В речи, таким образом, стоит различать два функциональных порядка – собственно презентативный (т.е. порядок вербализации мысли) и репрезентативный (порядок представления языковой информации). Можно предположить, что т.н. речевые номинаты всегда одновременно являются и полупредикатами, т.е. эти единицы (словоформы и словосочетания) фактически полифункциональны в аспекте вербализации некоторого смысла. Будучи репрезентациями языковых единиц, они выполняют функцию номинатов, но будучи вербализаторами актуального мыслительного процесса, они выполняют роль полупредикатов.

Литература

- Baudouin de Courtenay J., *O polskim języku*, PWN, Warszawa 1984.
- Saussure F. de., *Écrits de linguistique générale*, Gallimard, «Bibliothèque des idées», Paris 2002.
- Амирова О.Г., *Синтаксис английской прессы на уровне осложненного предложения*, [в:] *Передовые научные разработки, Филологические науки*, 2014, http://www.rusnauka.com/30_PERNR_2014/Philologia/4_177116.doc.htm [доступ: 10.06.2018].
- Байрак В.Г., *Соотношение типов синтаксических связей, синтаксических отношений и средств связи в современном русском языке*, «Вісник Дніпропетровського університету. Серія: Мовознавство» 2008, №7, с. 27–32.
- Бондарко А.В., *Основы функциональной грамматики. Языковая интерпретация идеи времени*, Изд-во С.-ПУ, Санкт-Петербург 2001.
- Волков В.С., *Номинативная структура предложения. Типология синтаксических позиций (на материале английского языка)*, КамчатГТУ, Петропавловск-Камчатский 2005.
- Дмитриева Л.К., *Осложняющие категории и осложнение предложения в современном русском литературном языке*: Дисс. ... доктора филол. наук, Ленинград 1981.
- Зарипова И.Ф., *Полупредикативность как средство неприсловной связи слов*, [в:] *Когнитивный и коммуникативный аспекты дискурсивной деятельности*, ред. Ф.Г. Фаткуллина, Уфа 2012, т. 1, с. 224–228.
- Кант И., *Антропология с прагматической точки зрения*, [в:] *Собрание сочинений в восемь томах*, «Чоро», Москва 1994, т. 7, с. 137–376.
- Кант И., *Критика чистого разума*, [в:] *Сочинения на немецком и русском языках*, «Наука», Москва 2006, т. 2, ч. 1.
- Карцевский С.И., *Повторительный курс русского языка*, «Русский язык» 2009, № 17, <http://rus.1september.ru/articles/2009/17/06> [доступ: 10.06.2018].
- Коротун О.В., Одинцова М.П., *Синтаксис современного русского языка*, ОмГУ, Омск 2015.
- Лещак О., *Методологические трудности российской ономасиологии: проблема номинации как объекта исследования*, «Studia Rusycystyczne Uniwersytetu Jana Kochanowskiego» 2018, nr 26, s. 97–106.
- Лещак О., *Методологические основания и истоки российской ономасиологии: проблема соотношения номинации и предикации*, «Studia Methodologica» 2018, nr 46, s. 7–21.
- Лещак С., *Языковые прецеденты в художественном идиостиле Бориса Гребенщикова*, UJK, Kielce 2019.

- Панов М.В., *Синтаксис. Синтаксические связи слов. Типы простых предложений. Члены предложения*, «Русский язык» 2005, № 14 (494), <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200501405> [10.06.2018].
- Романова Т.В., *Перекаатегоризация и субкатегоризация в номинации специальностей*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2013, № 31 (322), вып. 84, с. 123–126.
- Саурбаев Р.Ж., *Осложненно-подчиненное предложение в английском и татарском языках*, «Вестник Майкопского государственного технологического университета» 2011, вып. 2, с. 93–97.
- Сейтжанов Ж.Е., *Обращение как многофункциональное и разностатусное синтаксическое явление*, «Филологические науки. Вопросы теории и практики» 2010, № 3 (7), с. 140–142.
- Сова Л.З., *Лингвистика синтеза*, Изд. Политехнического университета, Санкт-Петербург 2007.
- Тарасенко Е.В., *Синтаксический концепт в аспекте осложненного предложения*, «The Bulletin of the Adyghe State University: Internet Scientific Journal» 2012, No. 4, http://vestnik.adynet.ru/files/2012.4/2262/tarassenko2012_4.pdf [доступ: 10.06.2018].
- Хамзаев С.А., *К вопросу об изменении когнитивной функции языковых структур в различных типах предикации*, «Вестник Челябинского государственного университета» 2011, № 28, с. 121–123.
- Чупашева О.М., *Грамматика русского деепричастия*: Дисс. ... доктора филол. наук, Мурманск 2010.
- Юлдашев А.А., *Соотношение деепричастных и личных форм глагола в тюркских языках*, «Наука», Москва 1977.

Półpredykacja i nominacja mowna jako problem onomazjologiczny Steszczanie

Artykuł poświęcony został konceptualnej analizie pojęcia semipredykacji. Pojęcie to rozpatrywane jest na tle podstawowych w onomazjologii pojęć nominacji i predykacji. Autor proponuje rozszerzenie zakresu omawianego pojęcia na wszystkie jednostki nominatywne tekstu, m.in. na połączenia i formy wyrazowe. Uzasadnia to wewnętrzna struktura semantyczna tych jednostek zawierająca implikowane propozycje.

Słowa kluczowe: onomazjologia, nominacja, predykacja, *półpredykacja (semipredykacja)*, jednostki języka i mowy

Полупредикация и речевая номинация **как ономасиологическая проблема** Резюме

Статья посвящена концептуальному анализу понятия полупредикации. Это понятие рассматривается на фоне фундаментальных для ономасиологии понятий номинации и предикации. Автор предлагает расширить объем этого понятия на все номинативные единицы текста, в том числе на словосочетания и словоформы. Это оправдывается внутренней семантической структурой этих единиц, содержащей свернутые суждения.

Ключевые слова: ономасиология, номинация, полупредикация, единицы языка и речи.

Semi-Predication and Speech Predication as an Onomasiological Problem

Abstract

The paper is devoted to a conceptual analysis of the notion of semi-predication. The notion of semi-predication was distinguished against the background of the notions of nomination and predication that are traditional in onomasiology. The author suggests that the scope of studied notion should be extended over nominative units of text. Such nominative units of text include, among others, word combinations and word forms. The approach proposed by the author is justified by inner semantic structure of these units that contains implied propositions.

Key words: onomasiology, nomination, predication, semi-predication, units of language and speech

Oleg Leszczak, dr hab.
ORCID: 0000-0003-3358-8923
Instytut Filologii Obcych
Uniwersytetu Jana Kochanowskiego w Kielcach

Oleg Leszczak, PhD
Department of Foreign Phylologies
Jan Kochanowski University in Kielce
e-mail: olegleszczak@o2.pl
+48 667252707